

между позитивизмомъ и всякаго рода идеализмомъ проходитъ черезъ всю исторію философіи,—то будетъ ясно, что въ конечной инстанціи проблема, затронутая Васманномъ, допускаетъ два абсолютно противоположныхъ рѣшенія, одинаково пригодныхъ для сведенія воедино фактовъ, но можетъ быть неодинаково цѣнныхъ съ точки зрѣнія общаго міровоззрѣнія. Въ этомъ мы и видимъ крупную заслугу Васманна, что онъ сумѣлъ поставить разрѣшеніе трактуемой имъ проблемы въ связь съ общими вопросами психологіи и философіи. Правда, его утвержденія часто болѣе категоричны, чѣмъ то допускаетъ современное состояніе науки. Но тотъ критическій духъ, который проникаетъ всю книгу, та безупречность и ясность метода, которая отличаетъ ее, дѣлаютъ работу Васманна очень цѣнной.

Къ книгѣ Васманна приложено дополненіе переводчика В. А. Караваева—«Зоопсихологическіе взгляды В. Вагнера». Эта статья дополняетъ изложеніе зоопсихологической литературы у Васманна и даетъ критическое освѣщеніе выводовъ Вагнера.

В. В. Зѣньковскій.

А. Д. Гуляевъ. Этическое ученіе въ «Мысляхъ» Паскаля.

Сочиненіе А. Д. Гуляева представляетъ хорошее и дѣльное изслѣдованіе по нравственной философіи Паскаля, имѣющее тѣмъ большій интересъ и значеніе, что въ русской философской литературѣ эта тема еще не служила предметомъ самостоятельной разработки. Указавъ въ началѣ своего труда задачу и общій планъ своего изслѣдованія (стр. 3—6), авторъ переходитъ къ краткимъ замѣчаніямъ о сочиненіяхъ Паскаля (стр. 7—13), перечисляетъ ихъ, устанавливаетъ ихъ хронологическій порядокъ, рассматриваетъ вопросъ объ ихъ подлинности, въ особенности внимательно останавливается на происхожденіи и составѣ «Мыслей» Паскаля, характеризуетъ полныя собранія сочиненій Паскаля. Далѣе авторъ переходитъ къ вопросу о планѣ изложенія ученія Паскаля (стр. 14—22) и настаиваетъ, что первоначальный планъ «Мыслей», изложенный въ «Предисловіи» Е. Перье, былъ значительно измѣненъ и углубленъ Паскалемъ, при подробномъ развитіи избранной имъ темы.

Послѣ этого авторъ дѣлаетъ переходъ къ подробному, живому, по большей части состоящему изъ искусно подобранныхъ цитатъ изложенію взглядовъ Паскаля. Причисляя Паскаля къ

числу философовъ-антропологистовъ, видящихъ въ человѣкѣ самый важный предметъ познанія, онъ уясняетъ значеніе понятія о высшемъ благѣ для Паскаля, а также задачу его описанія человѣка: она заключается въ томъ, чтобы показать *двойственность* этической природы человѣка, противоположность основныхъ человѣческихъ стремленій, противорѣчіе между назначеніемъ человѣка и его дѣйствительнымъ состояніемъ (стр. 25—32). Онъ передаетъ ученіе Паскаля о человѣческомъ величій, выражающемся въ стремленіи къ Божественному, въ неумолимомъ исканіи истины, въ любви къ красотѣ, въ невольномъ уваженіи къ человѣческой душѣ въ себѣ и въ другихъ, и о ничтожествѣ человѣка: въ человѣкѣ, рядомъ съ высшими свойствами его природы, дано себялюбіе, отвращающее его отъ универсальнаго существа, заставляющее его сдѣлать себя центромъ всего бытія и представляющее источникъ всѣхъ человѣческихъ золъ; по Паскалю, изъ эгоизма въ людяхъ рождается ихъ лживость, ихъ ненависть къ истинѣ, ихъ взаимная вражда, ихъ склонность къ насиліямъ, ихъ самодовольное невѣжество, рождается, наконецъ, вся неправда общественного строя. Авторъ показываетъ далѣе, какъ съ точки зрѣнія Паскаля, изъ смѣшенія и борьбы истинныхъ и ложныхъ стремленій и идей слагается вся человѣческая дѣйствительность, и какимъ несчастнымъ для него является общее состояніе человѣка (стр. 32—65).

Во II главѣ авторъ излагаетъ Паскалеву критику различныхъ попытокъ рѣшенія проблемы блага, главнымъ образомъ ученій стоическаго догматизма и эпикурейскаго скептицизма (стр. 66—80). Затѣмъ въ III главѣ онъ переходитъ къ собственному рѣшенію этой проблемы Паскалемъ, особенно выдвигая значеніе въ глазахъ Паскаля невольныхъ антиномій нравственнаго сознанія, какъ неустрашимыхъ мотивовъ для моральной вѣры въ основныя истины христіанства (стр. 80—102). Наконецъ, въ IV главѣ авторъ излагаетъ гносеологическія ученія Паскаля, его скептическую оцѣнку рациональнаго знанія, его ученіе о сердцѣ, какъ источникѣ непосредственнаго знанія первоначальныхъ истинъ и въ частности знанія о Божествѣ и, отрицая характеристику Паскаля, какъ абсолютнаго скептика, признаетъ его только сторонникомъ относительности человѣческаго познанія (стр. 102—140),

Этимъ оканчивается первая часть книги г. Гуляева. Вторая посвящена критическому изслѣдованію этического ученія

Паскаля. Онъ подробно разсматриваетъ вопросъ: насколько учене Паскаля было подготовлено предшествующею исторіей философской мысли и что есть въ немъ новаго и оригинальнаго? Авторъ указываетъ цѣлый рядъ предшественниковъ Паскаля въ важнѣйшихъ положеніяхъ его моральной философіи, къ которымъ онъ относитъ Сократа, Платона, Аристотеля, стоиковъ, эпикурейцевъ, Плотина и другихъ неоплатониковъ, Лактанція, блаж. Августина, Абеляра, Оому Аквинскаго, Дунса Скотта, Оккама, Монтэня, Шаррона, Бэкона, Декарта и т. д. Попутно онъ даетъ ясное и живое изложеніе отдѣльныхъ ученій этихъ предшественниковъ и подвергаетъ ихъ основательной критикѣ, всѣмъ этимъ доказывая свою обширную философскую начитанность. Въ окончательномъ результатѣ, авторъ приходитъ къ такой общей оцѣнкѣ философскихъ воззрѣній Паскаля: оригинальность Паскаля не въ отдѣльныхъ частностяхъ его описанія человѣческой природы, которыя возникли раньше его (стр. 175), и не въ отдѣльныхъ философскихъ мнѣніяхъ, въ которыхъ онъ по большей части жмѣетъ опредѣленныхъ предшественниковъ (особенно Монтэня и бл. Августина); своеобразность Паскаля заключается въ методѣ его этического изслѣдованія (стр. 202). По мнѣнію г. Гуляева, главная заслуга Паскаля состоитъ въ томъ, что онъ внесъ индуктивно-научный методъ въ нравственную философію (стр. 203). Этимъ онъ критически разграничилъ область науки отъ области морально-религіозной вѣры (стр. 202). Религіозные догматы, полагаемые Паскалемъ въ основу его нравственнаго міросозерцанія, напр. о грѣхопадении человѣка, разсматриваются авторомъ какъ неизбежныя гипотезы, объясняющія установленныя Паскалемъ противорѣчія человѣческой природы—и въ связи съ этимъ методъ Паскаля характеризуется, какъ строго-научный индуктивно-гипотетическій методъ (стр. 205). Въ построеніи своихъ выводовъ Паскаль показываетъ себя «великимъ мастеромъ научной методологіи»; онъ только слишкомъ быстро вложилъ въ свои моральные постулаты еврейско-христіанскій смыслъ (стр. 247). Точно также въ ученіи о познаніи Паскаль является не догматикомъ и не скептикомъ, а критикомъ. По мнѣнію автора, критическое направленіе въ ученіи о знаніи безспорная заслуга Паскаля (стр. 221). Паскалева критика направлена противъ метафизики, но обосновываетъ она не пирронизмъ, а *позитивизмъ* (стр. 231). Вторая часть книги

г. Гуляева заканчивается дополнительными замѣчаніями по поводу ученія Паскаля, основанными на имѣющихся о немъ біографическихъ данныхъ (стр. 257—275).

Серьезный недостатокъ разсматриваемаго труда заключается въ его общемъ методѣ: въ монографическихъ работахъ подобнаго рода, въ особенности когда онѣ посвящены лишь одному какому-нибудь сочиненію изучаемаго философа, прежде всего невольно поднимается вопросъ о личности этого философа, о его судьбѣ, о пережитой имъ внутренней эволюціи и о стремленіяхъ и настроеніяхъ, подъ влияніемъ которыхъ сложилось данное произведеніе. Тѣмъ болѣе долженъ возникать подобный вопросъ, когда дѣло идетъ о такомъ субъективномъ, во многихъ отношеніяхъ чисто-лирическомъ произведеніи, какимъ являются «Мысли» Паскаля. Въ нихъ едва ли можно видѣть спокойное изложеніе одного неизмѣннаго міросозерцанія, прошедшаго черезъ всю жизнь философа. Короткая жизнь Паскаля представляла глубокую душевную трагедію; написанію «Мыслей» предшествовалъ огромный внутренній переворотъ, въ результатъ котораго гениальный ученый и свѣтскій человѣкъ обратился въ суроваго, доходившаго до самоистязаній отшельника, разочарованнаго въ жизни, разочарованнаго въ знаніи, разочарованнаго въ умственныхъ и моральныхъ силахъ человѣка, видящаго въ человѣческой участи только мучительный кошмаръ горя, тоски и непрерывнаго нравственнаго паденія, безъ просвѣта и надежды на что-нибудь, кромѣ чуда спасающей благодати Божіей. Вотъ какое настроеніе съ захватывающею силою и искренностью вылилось въ «Мысляхъ» Паскаля. Сами собой являются вопросы: всегда ли и обо всемъ ли думалъ Паскаль такъ, какъ онъ думалъ въ послѣдній періодъ своей жизни? Какія перемѣны произошли въ его теоретическомъ міросозерцаніи въ соотвѣтствіи съ перемѣной его настроенія и всего его нравственнаго существа? На эти вопросы мы не находимъ въ работѣ г. Гуляева яснаго отвѣта. Правда, въ концѣ своего сочиненія онъ вводитъ біографію Паскаля и пытается охарактеризовать влияніе перемѣнъ въ его жизни на ходъ его мысли; но эта часть его труда слишкомъ коротка и слишкомъ мало связана съ предшествующими главами его изслѣдованія. Напротивъ, въ другихъ частяхъ книги указанные вопросы какъ-то совсѣмъ не задѣваются. Ученіе Паскаля въ «Мысляхъ» разсматривается авторомъ какъ что-

то самодовлѣющее внѣ всякаго біографическаго или культурно-историческаго фона. Очень нерѣдко, излагая тотъ или другой взглядъ Паскаля, авторъ рядомъ съ цитатами изъ «Мыслей» безразлично приводитъ цитаты изъ другихъ сочиненій Паскаля болѣе ранняго періода. Едва ли нужно настаивать, какъ рискованъ этотъ пріемъ, если предварительно не установленъ путь развитія идей изучаемаго мыслителя.

Мнѣ кажется, что, главнымъ образомъ, отъ этихъ недостатковъ въ пріемахъ изслѣдованія автора зависитъ нѣкоторая предвзятость и натянутость въ его окончательной оцѣнкѣ значенія этическихъ взглядовъ Паскаля по его «Мыслямъ». Отодвигая на второй планъ столь существенныя для «Мыслей» индивидуальныя и субъективныя моменты, онъ пытается охарактеризовать это произведеніе, какъ строго научный трудъ, преслѣдующій чисто теоретическую задачу индуктивнаго изученія человѣческой природы (стр. 202, 203, 205). Въ его глазахъ Паскаль является какъ бы предвосхитителемъ Канта и не только въ морали, но и въ теоріи познанія. Даже моральную вѣру въ грѣхопаденіе человѣка, въ которой Паскаль видѣлъ единственный выходъ изъ гнетущаго сознанія противорѣчій нашей природы, авторъ рассматриваетъ, какъ правомѣрную индуктивно-научную гипотезу, такъ какъ она даетъ цѣлесообразное объясненіе человѣческимъ свойствамъ. Едва ли авторъ возвеличилъ Паскаля, давая его дѣлу столь чуждое и мало подходящее освѣщеніе. Я понимаю, что можно говорить о тонкости и строгости діалектическихъ пріемовъ Паскаля при его обоснованіи необходимости моральной вѣры въ основныя истины христіанства. Но какъ же все-таки эти истины отождествлять съ научными гипотезами? Если первоначальная чистота человѣка, грѣхопаденіе, наслѣдственность грѣха, бытіе Божіе—научно-индуктивныя гипотезы, то не придется ли и всякія вообще религіозныя и философскія догмы признать за научно правомѣрныя индуктивныя гипотезы? Вѣдь всѣ онѣ такъ или иначе продиктованы сознаніемъ глубокихъ практическихъ и теоретическихъ противорѣчій въ насъ и кругомъ насъ.

Мой дальнѣйшій упрекъ будетъ касаться отношенія автора къ предшественникамъ Паскаля. Съ одной стороны, вопросъ о предшественникахъ Паскаля разработанъ у г. Гуляева очень обдуманно и подробно, и онъ ясно показываетъ, что у Паскаля

не оказывается почти ни одной мысли, которая не была бы въ той или другой формѣ высказана раньше его. Но, съ другой стороны, въ рѣшеніи этого вопроса у автора какъ бы не хватаетъ перспективы. Онъ самъ очень убѣдительно доказываетъ, что Паскаль не былъ особенно начитанъ въ предшествующей философской литературѣ, что даже объ отдѣльныхъ ученіяхъ Платона онъ знаетъ, повидимому, только по бл. Августину, что наконецъ и собственныя сочиненія этого послѣдняго онъ изучалъ не очень внимательно. Казалось бы, что всѣмъ этимъ ставится требованіе по возможности опредѣленно различать тѣхъ философовъ, которые оказали на Паскаля прямое вліяніе, отъ тѣхъ, которые воздѣйствовали на него только косвенно или даже только совпадали съ нимъ въ своихъ идеяхъ: вѣдь ясно, что приходится мѣрить разною мѣркою вліяніе на Паскаля, напр., Монтэня или Платона и Порфирія. Въ особенности, казалось бы, слѣдовало выдѣлить вліяніе на Паскаля его современниковъ отъ представителей далекой старины. Между современниками Паскаля былъ одинъ, отношеніе къ которому изучаемаго мыслителя освѣщено у г. Гуляева неожиданно скупо и тускло. Я разумѣю въ этомъ случаѣ Декарта. Г. Гуляевъ выдвигаетъ только отрицательное отношеніе Паскаля къ абсолютному рационализму Декарта. Правильнъ ли такой пріемъ? Вѣдь Декартъ и Паскаль были близки и по складу своего научнаго гения, и по той умственной атмосферѣ, въ которой они оба жили. Наконецъ, Декартъ первый далъ поразительно ясную и строгую формулу тому новому философскому міросозерцанію, которое сложилось подъ воздѣйствіемъ великихъ научныхъ открытій, знаменующихъ начало новой исторіи. Система Декарта по содержанію своихъ основныхъ понятій могла ли остаться безъ положительнаго вліянія на «Мысли» Паскаля? О прямо противоположномъ говоритъ очень многое: и взглядъ Паскаля на душу, какъ на существо только мыслящее, но не имѣющее никакихъ мѣстныхъ или вообще внѣшнихъ опредѣленій, и чисто механическое понятіе о веществѣ, выключавшее изъ элементовъ матеріи какія бы то ни было идеальныя побужденія и двигатели, и очень подчеркнутое ученіе о безпредѣльности матеріальнаго бытія какъ въ цѣломъ, такъ и въ мельчайшихъ его частяхъ. Вспомнимъ тотъ ужасъ, который внушали Паскалю необъятныя, молчащія пространства вселенной. Если всѣ эти идеи навѣяны не картезіанскимъ міро-

воззрѣніемъ, то откуда онѣ возникли у Паскаля? И могли ли онѣ остаться безслѣдными для его жизненнаго пониманія? Не приходится ли, наоборотъ, думать, что именно въ мертвенности автоматическаго механизма матеріальной природы, въ ея жуткой и холодной безконечности, въ безпомощной затерянности среди нея человѣческой личности, въ отдаленности отъ человѣческой души абстрактнаго и непонятнаго Бога, который создалъ такой огромный и такой безжизненный міръ,—во всѣхъ этихъ картезіанскихъ концепціяхъ, столь новыхъ и столь чуждыхъ и Платону, и Августину, и всѣмъ другимъ идеалистамъ прошлаго, заключается наиболѣе могущественный мотивъ, побудившій Паскаля искать настоящей истины не въ отчетливыхъ выводахъ разума, а въ темныхъ откровеніяхъ инстинкта и сердца.

Сейчасъ указанные недочеты въ книгѣ А. Д. Гуляева насколько не уменьшаютъ ея крупныхъ и важныхъ достоинствъ; она во всякомъ случаѣ представляетъ серьезный вкладъ въ русскую философскую литературу нашего времени, представляющій глубокий интересъ не только для специалистовъ, но и для обыкновеннаго читателя, какъ вѣрная, живая, обдуманно набросанная картина интимнаго міросозерцанія одного изъ лучшихъ представителей XVII вѣка.

Л. Лопатинъ.

Новыя книги и брошюры, полученные въ редакціи.

Атлантикусъ. Марксизмъ или теорія наивысшей производительности? Перев. съ нѣм. рукописи Я. Э. Либермана. Библиотека Общественной пользы. Спб., 1907. Ст. 105. Ц. 30 к.

Бланъ Луи. Исторія революціи 1848 г. Перев. С. Ч. съ критическимъ очеркомъ Е. Колбасина о Луиблановскомъ социализмѣ. Библиотека «Общественной пользы». Спб., 1907. Ст. СXXXVI+674. Ц. 3 р.

Богомоловъ, С. А. Современныя воззрѣнія на аксіомы и методы геометріи. Спб., 1907. Ст. 58.

Дицгенъ, Іосифъ. Завоеванія (Аквизитъ) философіи и письмо о логикѣ. Перев. съ нѣм. П. Дауге и А. Орлова. Съ предисл. къ русск. перев. Евг. Дицгена. Съ портретомъ автора. Спб., 1906. Ст. XII+210. Ц. 1 р. Изд. П. Г. Дауге.

Его же. Мелкія философскія статьи. Перев. съ нѣм. Г. Рус-